

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ В РОССИИ И НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Доброхлеб В.Г.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено по теме НИР ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Развитие человеческого потенциала с дифференциацией по регионам и социальным группам: факторы и модели».

Для цитирования:

Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народно-население. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66-76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6.

Аннотация. Третий год население России находится в ситуации «идеального шторма»: в условиях пандемии COVID-19, быстрых технологических изменений, связанных с цифровизацией всего жизненного пространства, нарастания международной напряжённости, происходящими на фоне старения населения страны. Данные процессы способствовали формированию новой социальной реальности. Цель настоящего исследования — выявить динамику демографического старения в условиях пандемии, определить специфику социально-демографических вызовов для страны в этих условиях, представить возможности и препятствия в направлении формирования стратегии активного долголетия в России. Актуальность данного проекта обусловлена потребностью в исследовании потенциала старшего поколения в условиях второго этапа депопуляции для социально-демографического развития страны. Информационной базой являются данные Росстата, международных организаций, а также работы отечественных и зарубежных авторов по данной проблематике. Использована авторская методология ресурсного потенциала старшего поколения. Показано, что Россия реализует программы активного старения. Однако развитие инфраструктуры поддержки старшего поколения пока недостаточно последовательно сочетается с поставленными целями социально-экономического развития страны. Предлагается шире использовать методологию сохранения и развития ресурсного потенциала старшего поколения, что позволяет дифференцированно подходить к формированию стратегии активного долголетия с учетом возможностей и мотивации различных групп пожилых и старых людей.

Ключевые слова: депопуляция, старение населения, COVID-19, активное долголетие, социальная реальность.

В условиях сокращения численности населения актуальным становится привлечение стареющего населения к более активному участию в модернизации страны для эффективного ответа на современные системные вызовы. Цель статьи — выявить специфику старения населения на фоне пандемии COVID-19, а также предложить возможные направления стратегии активного долголетия в нашей стране. Объектом исследования является старшее поколение России, предметом — активное долголетие стареющего населения. Авторская гипотеза состоит в том, что определённая часть пожилых и старых людей в России имеет ресурсный потенциал, структура которого многоаспектна, и который нуждается в поддержке и расширении возможностей этот потенциал наращивать и более эффективно использовать в рамках реализации стратегии активного долголетия. Для этого может быть использована авторская методология ресурсного потенциала старшего поколения. Новизна работы в теоретическом аспекте заключается в выявлении специфики процесса демографического старения в условиях пандемии в России; прикладном — в представлении направлений формирования стратегии активного долголетия в условиях «идеально шторма», когда необходимо решать проблемы технологического лидерства при сокращении численности и изменении демографической структуры населения России.

Обзор литературы и методы

Научные и политические дискуссии по проблемам стареющего населения отдельных регионов, стран и мира в целом имеют два различных направления: первое связано с обоснованием проблем и различных вызовов, обусловленных нарастающим интенсивности процесса демографического старения, в сфере труда, доходов, нарастания нагрузки на пенсионные фонды и другими; второе — с рассмотрением процесса демографического старения как достижения современного мира,

когда задача прожить долгую и счастливую жизнь из личной цели отдельных людей становится целью общества¹.

Классические работы по анализу процесса демографического старения принадлежат польскому исследователю Э. Россету [1; 2]. Шкала Э. Роскета/Ж. Божё-Гарнье, в которой порогом демографической старости считается возраст 60+, используется и в настоящее время. Широкое применение получила и другая шкала демографического старения, используемая структурами ООН, в которой порог демографической старости измеряется долей населения в возрасте 65 лет и старше. При этом подходе, если в населении доля когорт 65+ меньше 4% — его относят к демографически молодому; от 4 до 7% — на пороге старости; при доле старших возрастов 7% и больше — население относят к демографически старому. Распространёнными для анализа процесса демографического старения являются: индекс глубины старения, при котором выявляется долю населения в старческом возрасте среди всего пожилого населения, и коэффициент долголетия населения, который показывает, сколько из каждых ста человек достигнет возраста долголетия. Для экономического анализа востребованным остаётся коэффициент демографической нагрузки пожилым населением, рассчитываемый как отношение числа лиц старше трудоспособного возраста к численности трудоспособного населения. Инструментарий демографического анализа постоянно расширяется.

В последнее десятилетие XX в. фокус научного интереса в исследовании старения населения смещается от проблем социальной защиты стареющего населения к проблематике возможностей и ограничений вовлечения пожилых и старых людей в жизнь социума, в том числе в экономические процессы, в первую очередь в сфере занятости [3]. Определённым ру-

¹ Принципы Организации Объединённых Наций в отношении пожилых людей сделать полнокровной жизнь лиц преклонного возраста. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 02.02.2022).

бежом в изменении взглядов на старение населения можно считать Вторую всемирную ассамблею по проблемам старения, принявшую в 2002 г. Мадридский международный план действий². Эти подходы стали основой новаторских стратегий в отношении к старшим возрастным когортам. С учётом того, что здоровье составляет основу ресурсного потенциала человека, ВОЗ предложила концепцию активного долголетия, «здорового старения»³. Первые десятилетия XXI в. связаны для исследователей не только с разработкой новаторских теорий демографического старения, но и с осмыслением их эволюции [4; 5], которые дают представления о динамике теоретических подходов к активному долголетию, начиная от теории разъединения к дефиниции «активное долголетие». Предложено около трех десятков различных определений, характеризующих «успешное» старение [6].

Представленные в научной литературе и стратегических документах определения активного долголетия сформулированы в рамках двух основных подходов: комплексного и экономического. Комплексный (всеобъемлющий) подход более широко трактует активное долголетие, подчеркивая важность связи между активностью и здоровьем. Он направлен на обоснование более инклюзивной политики. В рамках этого подхода формирование активного долголетия направлено на поддержание здоровья и мотивации на участие в жизни социума. Это означает отход от традиционной модели жизненного цикла, когда учёба, работа, выход на пенсию регламентированы определённым возрастом, к интеграции этих фаз, при которой они сосуществуют на протяжении

всего жизненного цикла [7]. В политической сфере преобладает экономический подход к пониманию активного долголетия [8], что связывают с частичным уменьшением экономической нагрузки государства при широком применении неолиберальных мер, среди которых — продление трудовой деятельности. Оба подхода к пониманию активного долголетия не противопоставлены друг другу, имеют похожие компоненты [9]. «Успешное» старение исследователи связывают в том числе с формированием навыков перехода на новые цели и задачи, новые роли, умением создавать или находить окружение, понимающее преимущество разновозрастных команд [10].

Научные теоретические концепции активного старения составляют основу долгосрочной социальной политики в ЕС и на уровне международных организаций: ООН, 2002; Европейский совет, 2010; Европейская комиссия, 2018. Подготовлен инструмент для анализа политики в этой области — комплексный количественный показатель «Индекс активного старения» (Active Ageing Index-AAI), который разработан и запущен в 2012 г. в сотрудничестве с Европейским центром социальной политики и исследования в области социального обеспечения. AAI позволяет определить уровень (долю), пожилых людей, ведущих независимую жизнь, участвующих в оплачиваемой занятости и общественной деятельности, их способность к активному старению. AAI состоит из 22 показателей по 4 сферам жизнедеятельности (занятость; участие в жизни общества; независимая, здоровая и безопасная жизнь; потенциал и благоприятные условия для активного старения). Статистические данные по этим сферам широко доступны для государств ЕС. В 2012 г. AAI начал использоваться в качестве инструмента мониторинга в странах ЕС, в 2015 г. рабочая группа ООН по проблемам старения предложила применять AAI для мониторинга третьего цикла Мадридского международного плана действий по проблемам старения. В России AAI плани-

² Политическая декларация и Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. Доклад Второй всемирной ассамблеи по проблемам старения ООН (Мадрид, 8–12 апреля 2002 г.). — URL: <http://undesadspd.org/Portals/0/ageing/documents/Fulltext-Russian.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

³ Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг. — URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf?sfvrsn=64fd27ba_6 (дата обращения: 01.02.2022).

руется применить для мониторинга достижения целей и результатов⁴ активного долголетия граждан старшего поколения при использовании методических рекомендаций⁵.

Широко рекламируемый подход к распространению «успешного» старения всё

графического старения нарастает, а депопуляция углубляется. В 2021 г. число людей в возрасте 65+ достигло 18,8 млн человек, коэффициент демографического старения составил 12,8% (табл. 1).

Особенностью старения российского населения является его гендерная асим-

Таблица 1

Общая численность населения России, в том числе в возрасте 65+, тысяч человек

Table 1

Total population of Russia including population aged 65+, thousand people

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Все население	146804	146880	146781	146749	146171
В том числе в возрасте 65+	17247	17720	18206	18445	18769
Коэффициент демографического старения, %	11,7	12,0	12,4	12,5	12,8

Источник: Распределение населения по возрастным группам // Росстат: [сайт].— URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284?print=1> (дата обращения: 10.02.2022).

чаще подвергается критике за риск маргинализации широких слоёв пожилых и старых людей, которые в силу различных обстоятельств не вписываются в пожизненную гонку за успехом. В его рамках успешным принято считать «пожилого нелиберального человека», обладающего энергией, желаниями и фантазией для того, чтобы работать и потреблять наравне с представителями более молодых поколений [11–14]. Автор солидарен с мнением исследователей, которые утверждают, что пандемия COVID-19 ускорила кризис концепции активного старения и его социально-философских оснований и актуализировала проблемы поиска новых подходов, позволяющих включать в процесс активного долголетия более широкие слои пожилых и старых людей [15].

Основная часть

Россия относится к числу демографически старых стран, причем процесс демо-

метрия, численность женщин превышает численность мужчин, особенно в возрастах старше трудоспособного [16; 17]. Увеличивается показатель глубины старения, который показывает соотношение населения в возрасте 80+ к общей численности старого населения в возрастах 65+ [18]. Еще один из показателей демографического старения—это индекс старости, показывающий соотношение людей в возрасте 65+ к когортам детей и подростков (до 15 лет). Этот индекс тоже растет [19].

Обратим внимание на то, что в российской статистике широко применяется иной критерий—деление населения на людей младше трудоспособного возраста, трудоспособного возраста и старше трудоспособного возраста. К людям старше трудоспособного возраста относят тех, кто достиг возраста выхода на пенсию. Граница пенсионного возраста может изменяться законодательно, как и произошло в нашей стране в 2018 году. На 01.01.2021 доля населения старше трудоспособного возраста составляла 25,2%.

Процесс демографического старения в России в первую очередь обусловлен старением «снизу», то есть снижением рождаемости. По показателям ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и данным по дожи-

⁴ Поручение Правительства РФ, п. 5 Протокола совещания у Председателя Правительства Российской Федерации от 17 мая 2019 г. № ДМ-П12–26пр.

⁵ Guidelines Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level.— URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

тию Россия существенно отстаёт от многих стран мира — не только развитых, но и развивающихся. Показатели ОПЖ при рождении и дожития снижаются, в том числе под влиянием последствий пандемии COVID-19

(табл. 2). ОПЖ при рождении в сравнении с 2017 г. в 2020 г. для мужчин сократилась на 1,02 года, для женщин — на 1,2 года. Снижались и показатели дожития, в том числе для мужчин в возрасте 65 лет на 1,24 года, для

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни в России 2017–2020 гг., лет

Table 2

Life expectancy in Russia in 2017–2020, years

Возраст, лет	Ожидаемая продолжительность жизни, лет							
	2017		2018		2019		2020	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	Женщины
0	67,51	0	67,75	77,82	68,24	78,17	66,49	76,43
40	30,98	40	31,03	39,55	31,35	39,82	29,52	38,05
60	16,46	60	16,56	22,09	16,86	22,36	15,20	20,90
65	13,67	65	13,78	18,10	14,05	14,05	12,43	17,03
70	11,17	70	11,32	14,38	11,55	14,60	10,06	13,46
75	8,83	75	9,05	10,95	9,31	11,19	8,05	10,28
80	7,02	80	7,15	7,97	7,36	8,15	6,22	7,44
85+	5,56	85+	5,67	5,62	5,94	5,80	5,80	5,27

Источник: Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. — Москва: Росстат, 2021. — С. 83.

женщин этого возраста — на 0,93 года.

Обратим внимание на интересный факт: при повышении возраста сокращается разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами: если в 2017 г. различие ОПЖ при рождении по полу превышало 10 лет, то в возрасте 65 лет этот разрыв сокращается до 4,29 лет, а в возрасте 85+ мужчины могут прожить дольше женщин. Эта тенденция сохранилась и в 2020 г. — в разгар пандемии. По одной из гипотез, это обусловлено тем, что до старости доживают более здоровые мужчины, которые чаще придерживаются самосохранительного поведения.

При старении населения существенным резервом как демографической, так и социальной динамики становятся не только показатели продолжительности жизни, но особое значение приобретает возможность прожить долгую и здоровую жизнь. ВОЗ предложила показатель, который позволяет измерять ожидаемую продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ

или HALE) при рождении, который показывает «среднее количество лет, на которые человек может рассчитывать прожить в «полном здравии», с учётом лет, прожитых при неполном здоровье из-за болезни и/или травмы»⁶. Приведём сравнительные данные ОПЗЖ за 2019 г. для России и Японии (табл. 3). При принятии решений по старшему поколению, в том числе о повышении пенсионного возраста самым важным критерием является не просто ОПЖ, а именно показатель ОПЗЖ. Этот фактор при проведении пенсионной реформы 2018 г. не учитывался.

Обратиться к многомерным международным рейтингам по проблемам старшего поколения, в том числе к описанному выше индексу активного долголетия (AAI), а также к глобальному индексу наблюдения за старением (Global AgeWatch Index — GAWI) и глобальному пенсионному индексу (Natixis Global Retirement

⁶ Healthy life expectancy (HALE) at birth.— URL: <https://www.who.int/data/gho/indicator-metadata-registry/imr-details/66> (дата обращения: 06.02.2022).

Таблица 3
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России и Японии в 2019 г., лет

Table 3

Healthy life expectancy in Russia and Japan in 2019, years

Страна	ОПЖ			
	мужчины		Женщины	
	при рождении	60 лет	при рождении	60 лет
Россия	60,7	12,8	67,5	16,7
Япония	73,0	18,8	75,0	21,9
Разница ОПЖ Россия/Япония	-12,3	-6,0	-7,5	-5,2

Источник: Ожидаемая продолжительность здоровой жизни // ВОЗ: [сайт].— URL: <https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/gho-ghe-hale-healthy-life-expectancy-at-birth> (дата обращения: 01.02.2022).

Index—NGRI). Позиции России во всех 3 рейтингах невысоки: по AAI страна занимает 23 место из 29 обследованных стран, по GAWI—65 место из 96 стран, по NGRI—38 место из 43 стран⁷.

Невысокие результаты в достижении целей активного долголетия показывают проблемы в решении данного стратегического направления и требуют уточнения, изменения подходов к формированию социальной политики в отношении старшего поколения. В этом направлении в России приняты основополагающие документы, в числе которых утверждённая в 2016 г. «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»⁸ и Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁹, во исполнении которого был подготовлен и принят национальный проект «Демография», включающий 5 подпроектов, в том числе «Стар-

шее поколение»¹⁰. Однако в 2018 г. принимается решение о проведении новой пенсионной реформы, не учитывающее важнейшие демографические показатели, в том числе по ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения.

В конце 2019 г. приходит пандемия COVID-19, которая продолжается и в настоящее время. По данным на 14 февраля 2022 г.¹¹ Россия находится на 6 месте в мире по числу заражённых после США, Индии, Бразилии, Франции и Великобритании. По числу смертей от пандемии Россия занимала 4 место (334093 человек) после США (922473), Бразилии (639151), Индии (509358 человек). Потери среди старшего поколения от пандемии особенно высоки и население в возрасте 65 лет+ во всем мире отнесено к группе особого риска. Именно оно оказалось в ситуации наиболее жёстких социальных ограничений, которые имели не всегда благоприятные последствия из-за изоляции. Исследователи правомерно отмечают, что «борьба за инклюзию временно сменилась борьбой за эксклюзию» [15] пожилых и старых людей. Это означает новые вызовы формированию равных условий для всех возрастов.

⁷ Индекс активного долголетия (Active Ageing Index).— URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).

⁸ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р.— URL: <http://government.ru/docs/216923> (дата обращения: 05.02.2022).

⁹ Указ Президента России от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».— URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁰ Национальный проект «Демография» (2018) // Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации.— URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 01.02.2022).

¹¹ Коронавирус: статистика.— URL: <https://yandex.ru/covid19/stat#statistics-table> (дата обращения: 15.02.2022).

Выводы

Проведённый анализ показывает, что наша страна включилась в реализацию программ активного долголетия. При этом заявленные цели пока недостаточно последовательно сочетаются с развитием инфраструктурной и другими видами поддержки пожилых и старых людей. Динамика сети лечебных и восстановительных учреждений существенно отстает от изменений возрастной структуры населения, гериатрическая и геронтологическая помощь нуждается в более быстром наращивании своих возможностей и доступности для широких слоев населения. Формально среди пенсионеров нет бедных, фактически пенсионные доходы не позволяют обеспечить в полной мере качество жизни многих пенсионеров, низки показатели ожидаемой продолжительности и дожития, существенно отставание по показателю ОПЗЖ от многих стран мира. Социальные перемены предполагают согласование последовательности формирования активного долголетия для многих, а не только для избранных. Необходим учёт различий групп старшего поколения по имеющемуся ресурсному потенциалу. Вероятно, для России эффективно применение дифференцированного подхода к различным группам пожилых и старых людей с учётом их возможностей и мотивации. В этой связи может быть более широко использована предложенная автором методология по сохранению и улучшению ресурсного потенциала старшего по-

коления [20; 21], которая позволяет выявлять специфику качественных характеристик старшего поколения страны и синхронизировать возможности населения по формированию активного долголетия с социальной политикой на макро- и мезоуровнях. Это открывает широкие перспективы увязывать заявленные цели национального развития с возможностями для широких слоёв населения с учетом специфики различных групп включаться в формирование активного долголетия.

При сокращении численности и изменении возрастной структуры населения одним из эффективных направлений политики становится поддержание качества населения. Основатель современной российской социо-демографической научной школы член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская в своей монографии «Человек и реформы: секреты выживания писала: «Нет сомнения в том, что уменьшение численности населения — прямая угроза национальной безопасности. Но ещё более серьезной опасностью является снижение качества человеческих ресурсов, которое происходит сегодня по всем определяющим его направлениям» [22, с. 57]. В условиях новой социальной реальности сохранение и наращивание ресурсного потенциала различных групп населения является важнейшим направлением социальной политики и должно быть подкреплено финансовыми и материальными ресурсами.

Литература и Интернет-источники

1. **Россет, Э.** Процесс старения населения. Демографическое исследование / Э. Россет. — Москва : Статистика, 1968. — 509 с.
2. **Россет, Э.** Продолжительность человеческой жизни / Э. Россет. — Москва : Прогресс, 1981. — 383 с.
3. **Boudiny, K.** A critical perspective: Towards a broader understanding of «active ageing» / K. Boudiny, D. Mortelmans // *Electronic Journal of Applied Psychology*. — 2011. — No. 7. — P. 8–14.
4. **Walker, A.** Active ageing in employment: its meaning and potential / A. Walker // *Asia-Pacific Review*. — 2006. — No. 1. — P. 78–93.
5. **Васильева, Е. В.** Концепция активного долголетия в системе обеспечения экономической безопасности / Е. В. Васильева // *Экономика, предпринимательство и право*. — 2021. — Т. 11. — № 9. — С. 2101–2120. DOI: 10.18334/epp.11.9.113431.

6. **Resnick, B.** Successful Aging / B. Resnick // Encyclopedia of Behavioral Medicine / eds. M. D. Gellman, J. R. Turner.— New York : Springer, 2013.— P. 1628–1932.
7. **Walker, A.** New Evidence on Active Ageing in Europe / A. Walker, A. Zaidi // Intereconomics.— 2016.— No. 51(3).— P. 139–144. DOI: 10.1007/s10272–016–0592–0.
8. **Walker, A.** Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union / A. Walker, T. Maltby // International Journal of Social Welfare.— 2012.— No. 21(s1).— P. 117–130. DOI: 10.1111/j.1468–2397.2012.00871.x.
9. **Rowe, J. W.** Successful aging / J. W. Rowe, R. L. Kahn // The Gerontologist.— 1997.— No. 37(4).— P. 433–444. DOI: 10.1093/geront/37.4.433.
10. **Дуракова, И. Б.** Научные представления о фазах жизненного цикла в условиях в условиях парадигмы успешного старения / И. Б. Дуракова, Е. В. Майер // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление.— 2021.— № 3.— С. 70–80. DOI: 10.17308/econ.2021.3/3518.
11. **Polivka, L.** Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging / L. Polivka // Journal of Applied Gerontology.— 2011.— No. 30(2).— P. 173–184. DOI: 10.1177/0733464810385919.
12. **Rubinstein, R. L.** «Successful aging,» gerontological theory and neoliberalism: a qualitative critique / R. L. Rubinstein, K. de Medeiros // The Gerontologist.— 2015.— No. 55(1).— P. 34–42. DOI: 10.1093/geront/gnu080.
13. **Liang, J.** Toward a Discourse Shift in Social Gerontology: From Successful Aging to Harmonious Aging / J. Liang, B. Luo // Journal of Aging Studies.— 2012.— No. 26(3).— P. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.
14. **Nizamova, A.** Normativity and the Aging Self: “Active Longevity” Media Discourse in Contemporary Russia / A. Nizamova // Laboratorium: Russian Review of Social Research.— 2020.— No. 12(2). P. 45–67. DOI: 10.25285/2078–1938–2020–12–2–45–67.
15. **Григорьева, И.** Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 / И. Григорьева, Е. Богданова // Laboratorium.— 2020.— № 2.— С. 187–211.
16. **Доброхлеб, В. Г.** Демографическое старение в аспекте гендерных проблем современной России / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение.— 2020.— Т. 23.— № 2.— С. 15–13. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.1.
17. **Калачикова, О. Н.** Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, А. Г. Боброва // Проблемы развития территории.— 2021.— Т. 25.— № 1.— С. 29–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2.
18. **Гридасов, Г. Н.** Медико-социальные последствия демографического старения (на примере Самарской области) / Г. Н. Гридасов [и др.].— Самара : Волга-Бизнес, 2011.— 216 с.
19. **Барсуков, В. Н.** Демографическое старение населения: методы оценки / В. Н. Барсуков // Вопросы территориального развития.— 2014.— № 4(14).— С. 1–9.
20. **Римашевская, Н. М.** Старшее поколение как ресурс модернизации России / Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб // Народонаселение.— 2013.— № 3(61).— С. 20–26.
21. **Доброхлеб, В. Г.** Демографические теории и региональный аспект старения населения / В. Г. Доброхлеб, В. Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.— 2017.— Т. 10.— № 6.— С. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6.
22. **Римашевская, Н. М.** Человек и реформы: секреты выживания / Н. М. Римашевская.— Москва : РИЦ ИСЭПН РАН, 2003.— 392 с.

Сведения об авторе:

Доброхлеб Валентина Григорьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; Researcher ID Web of Science: B-1337-2017; Scopus Author ID: 57193690883; PИHЦ Author ID: 312761.

DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6

DEMOGRAPHIC AGING IN RUSSIA AND NEW SOCIAL REALITY

Valentina G. Dobrokhleb

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(24/35 korpus 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russian Federation, 117218)*

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

Funding:

The study was carried out within the framework of the State assignment to the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences «Human potential development with differentiation by region and social groups: factors and models».

For citation:

Dobrokhleb V.G. Demographic aging in Russia and new social reality. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66-76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6. (in Russ.)

Abstract. *For the third year the population of Russia has been in the situation of a “perfect storm”: under the conditions of the COVID-19 pandemic, rapid technological changes connected with digitalization of the entire living space, increasing international tensions against the background of the aging population of the country. These processes have contributed to the formation of a new social reality. The purpose of this study is to examine the dynamics of demographic aging in the context of the pandemic, to identify the specifics of socio-demographic challenges to the country in these conditions, to present opportunities and obstacles in the direction of forming a strategy of active longevity in the Russian Federation. The relevance of this project is due to the need to study the potential of the older generation in the conditions of the second stage of depopulation for the socio-demographic development of the country. The information base is the data of Rosstat, international organizations, as well as the works of Russian and foreign authors on this issue. The author’s methodology of measuring the resource potential of the older generation is used. It is shown that Russia implements active aging programs. However, the development of infrastructure to support the older generation is not yet consistently combined with the goals of socio-economic development of the country. It is proposed to make a wider use of the methodology for preserving and developing the resource potential of the older generation, which allows a differentiated approach to the formation of an active longevity strategy with the account of the capabilities and motivation of various groups of the elderly and old people.*

Keywords: *depopulation, population aging, COVID-19, active longevity.*

References and Internet sources

1. Rosset E. Protsess stareniya naseleniya. Demograficheskoye issledovaniye [*Process of Population Aging. A Demographic Study*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1968. 509 p. (in Russ.)
2. Rosset E. Prodolzhitel'nost' chelovecheskoj zhizni [*Duration of Human Life*]. Moscow. Progress. 1981. 383 p. (in Russ.)
3. Boudiny K., Mortelmans D. A critical perspective: Towards a broader understanding of «active ageing». *Electronic Journal of Applied Psychology*. 2011. No. 7. P. 8–14.
4. Walker A. Active ageing in employment: its meaning and potential. *Asia-Pacific Review*. 2006. No. 1. P. 78–93.
5. Vasilieva E. V. Kontsepsiya aktivnogo dolgoletiya v sisteme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti [The concept of active longevity in the system of ensuring economic security]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]*. 2021. Vol.11. No. 9. P. 2101–2120. DOI: 10.18334/epp.11.9.113431. (in Russ.)
6. Resnick B. Successful Aging. *Encyclopedia of Behavioral Medicine*. Eds. Gellman M.D., Turner J.R. New York. Springer. 2013. P. 1628–1932
7. Walker A., Zaidi A. New evidence on active ageing in Europe. *Intereconomics*. 2016. No. 51(3). P. 139–144. DOI: 10.1007/s10272–016–0592–0.
8. Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union. *International Journal of Social Welfare*. 2012. No. 21(s1). P. 117–130. DOI: 10.1111/j.1468–2397.2012.00871.x.
9. Rowe J. W., Kahn R.L. Successful aging. *The Gerontologist*. 1997. No. 37(4). P. 433–444. DOI: 10.1093/geront/37.4.433.
10. Durakova I. B., Mayer E. V. Nauchnyje predstavleniya o fazah zhiznennogo tsikla v usloviyah v usloviyah paradigmy uspehnogo stareniya [Scientific approaches to the stages of the human life cycle within the successful aging paradigm]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management]*. 2021. No. 3. P. 70–80. DOI: 10.17308/econ.2021.3/3518. (in Russ.)
11. Polivka L. Neoliberalism and postmodern cultures of aging. *Journal of Applied Gerontology*. 2011. No. 30(2). P. 173–184. DOI: 10.1177/0733464810385919.
12. Rubinstein R. L., de Medeiros K. «Successful aging,» gerontological theory and neoliberalism: a qualitative critique. *The Gerontologist*. 2015. No. 55(1). P. 34–42. DOI: 10.1093/geront/gnu080.
13. Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging. *Journal of Aging Studies*. 2012. No. 26(3). P. 327–334. DOI:10.1016/j.jaging.2012.03.001.
14. Nizamova A. Normativity and the aging self: “Active longevity” media discourse in contemporary Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 45–67. DOI: 10.25285/2078–1938–2020–12–2–45–67.
15. Grigorieva I., Bogdanova E. Konceptsiya aktivnogo stareniya v Yevrope i Rossii pered litsom pandemii COVID-19 [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic]. *Laboratorium. Russian Review of Social Research*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 187–211 (in Russ.)
16. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoye starenije v aspekte gendernyh problem sovremennoj Rossii [Demographic aging in the aspect of gender problems in modern Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol.23. No. 2. P. 15–13. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.1. (in Russ.)
17. Kalachikova O. N., Korolenko A. V., Bobrova A. G. Demograficheskoye razvitije Rossii i Belarusi v 21 veke v kontekste vnedreniya kontsepsii aktivnogo dolgoletiya [Demographic development of Russia and Belarus in the 21st century in the context of the introduction of the active longevity concept]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2021. T. 25. No. 1. P. 29–51. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.2. (in Russ.)

18. Gridasov G. N. et al. Mediko-sotsial'nyje posledstviya demograficheskogo stareniya (na primere Samarskoj oblasti) [*Medical and Social Consequences of Demographic Aging (on the Example of Samara Oblast)*]. Samara. Volga-Business. 2011. 216 p. (in Russ.)
19. Barsukov V.N. Demograficheskoje starenije naseleniya: metody otsenki [Demographic aging of population: assessment methods]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2014. No. 4 (14). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskoe-starenie-naseleniya-metody-otsenki> (Accessed: 22 February 2022). (in Russ.)
20. Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V.G. Starsheje pokolenije kak resurs modernizatsii Rossii [Older generation as a resource for modernization of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 3(61). P. 20–26. (in Russ.)
21. Dobrokhleb, V. G., Barsukov V.N. Demograficheskije teorii i regional'nyj aspekt stareniya naseleniya [Demographic theories and regional aspect of population aging]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2017. Vol. 10. No. 6. P. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6. (in Russ.)
22. Rimashevskaya N.M. Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya [*Person and Reforms: The Secrets of Survival*]. Moscow. RITs ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences]. 2003. 392 p. (in Russ.)

Information about the author:

Dobrokhleb Valentina Grigorievna, Doctor of Economics, Professor, Main Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000–0002–4864–8231; Researcher ID Web of Science: B-1337–2017; Scopus Author ID: 57193690883; Elibrary Author ID: 312761.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022, одобрена 24.05.2022, опубликована 30.06.2022.